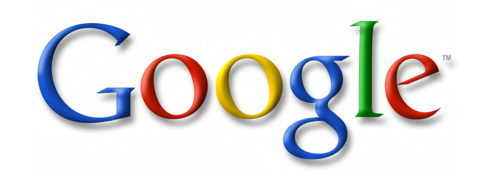

ГОРѢЛЫЙ ПЕНЬ.

ПОЭМА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ВРЕМЕНЪ НАЧАЛА XVII-ГО СТОЛѢТІЯ.

М. Дивавинъ.

Г. ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛѢССКІЙ,
Типо-Литографія А. М. Шаланина, Семенов. ул., с. д.
1895.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Divavin M.

ГОРѢЛЫЙ ПЕНЬ.

ПОЭМА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ВРЕМЕНЪ НАЧАЛА XVII-ГО СТОЛѢТІЯ.

М. Дивавинъ.

Г. ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛѢССКІЙ,
Типо-Литографія А. М. Шаланина, Семеновская ул., с. д.
1895.

Дозволено цензурою. Москва, 13 Мая 1895 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Одинъ стоишь, горѣлый пень,
Печаленъ твой въ глуши пріютъ.
Ни черна ночь, ни свѣтлый день
Тебѣ отрады не даютъ.

Ты тлѣешь ночью, сохнешь днемъ,
Тебя и солнце не живитъ,
Сожженъ ты весь кругомъ огнемъ
И страшенъ твой горѣлый видъ.

И словно ты глядишь съ тоской
На всѣ красы живой природы.
Ты, вижу, дубомъ былъ живой,
Ты—дубъ исчезнувшей породы,

И нѣтъ тебѣ семьи родной:
Отцы твои и братія
Лежатъ, гніютъ въ землѣ сырой,
Забывши годы бытія.

Зачѣмъ же ты, сухой скелетъ,
Лишенъ пріюта гробоваго?
Съ чего тебѣ могилы нѣтъ
Въ кладбищѣ тлѣнія земнаго?

Разсказы есть молвы живой,
Что ты когда то заблуждался,
Не зналъ, что есть законъ святой,
И гордо съ бурями сражался,

И гордо вѣтви расширялъ.
Подъ этимъ ты густымъ плащемъ
Пріютъ преступникамъ давалъ
И ночью черною, и днемъ.

Но кара есть и бурь сильнѣй;
Она то твой сорвала плащъ,
Она то волею своей
Сгубила жизнь твою, силачъ.

Гласитъ преданье старины,
Что лѣтъ за двѣсти или болѣ
Тамъ, гдѣ Киржачъ шумитъ на волѣ,
Гдѣ нынѣ храмъ у крутизны, (*)

Стоялъ высокій теремъ пышный
И въ немъ въ довольствѣ, безъ заботъ
Жилъ угрюмый, равнодушный
Бояринъ строгій, словно деспотъ.

Богатъ онъ былъ, какъ крымскій Ханъ,
Имѣлъ холоповъ полонъ дворъ,
Но звали всѣ его Буканъ
За мрачный видъ и строгій взоръ.

Въ былое время, когда Грозный
За Ливь съ Баторіемъ сражался,
Бояринъ этотъ, долгу вѣрный,
Во Псковѣ храбро защищался

(*) Село Богородское (Карино) Покровскаго уѣз. Владимірской губерніи.

И самъ не разъ съ отвагой смѣлой
Водилъ дружины храбрыхъ въ бой,
Не разъ одинъ съ уловкой дивной
Громилъ враговъ своей рукой.

За эти доблести Буканъ
Въ Москвѣ былъ славою почтенъ:
Пріялъ боярскій думный санъ
И былъ по царски награжденъ.

Но разъ когда-то Годуновымъ,
Въ глазахъ Ѳеодора—Царя
Буканъ холопомъ названъ вздорнымъ.
Кровавымъ мщеніемъ горя,

Буканъ не снесъ такой позоръ
И, выждавъ разъ свободный мигъ,
Просилъ Царя оставить дворъ,
Чтобъ въ немъ не быть насмѣшкой злыхъ.

Потомъ, чрезъ пять, не больше, дней,
Буканъ, презрѣвъ мольбы и плачъ
Друзей, родныхъ, жены своей,
Уѣхалъ съ дворней на Киржачъ.

И вотъ въ лѣсу онъ поселился,
Въ дому отеческомъ своемъ,
Гдѣ онъ возросъ и гдѣ родился,
Мелькнула юность гдѣ лучемъ.

Года прошли и онъ забылъ
Столицу шумную съ Дворомъ,
Онъ жизнь сельскую полюбилъ
Съ ея пестрѣющимъ ковромъ

Луговъ цвѣтущихъ и полей,
Съ ея дремучими лѣсами,
Съ ея весною ясныхъ дней,
Съ прогулкой свѣтлыми ночами.

Но здѣсь подруги онъ лишился,
Оставшись съ дочерью одной.
Здѣсь видѣлъ, какъ въ крови дымился
Отъ ляховъ край. Душѣ родной

Онъ рвался руку протянуть,
Когда Москва въ бѣдахъ страдала,
Но мысль дочь юную покинуть
Въ немъ чувства сердца заглушала.

Онъ дочь любилъ отчизны болѣ:
Лелѣялъ, нѣжилъ, баловалъ.
Цвѣла она въ свободной волѣ,
И дѣтскій умъ ея не зналъ,

Что есть нужда и горе въ свѣтѣ,
Что гибнетъ счастіе и радость,
Что часто—часто въ самомъ цвѣтѣ
Безщадно вянетъ жизнь и младость,

Какъ вянетъ цвѣтъ, грозой примятый,
Какъ въ морѣ синемъ, среди волнъ,
Далеко бурею загнатый,
Невольно тонетъ утлый челнъ;

Какъ гибнутъ мощные дубы,
Какъ ты, наказанный огнемъ,
Погибъ отъ роковой судьбы
И сталъ горѣлымъ дряхлымъ пнемъ.

Хоть скученъ мой тебѣ разсказъ
И ты безмолвствуешь, но знай,
Что правда колетъ всегда глазъ.
Но слушай, пень, и мнѣ внимай.

Когда Сапѣга и Лисовскій
Обитель Лавры осаждали,
Когда Князь храбрый Долгорукій
Святыню съ вѣрными спасали,

Когда бояре Владиславу
На вѣрность рабски присягали,
Забывъ отцовъ былую славу,
И крестъ съ Москвою цѣловали,

Когда жъ Жолкѣвскій и Гонснѣвскій
Царя въ Варшаву провожали,
Когда Козьма и съ нимъ Пожарскій
Дружины русскихъ собирали,—

Во время этихъ потрясеній
Не всякій снесъ Москвы позоръ,
Не всякій принялъ униженій:
Одни изъ нихъ бросали Дворъ

И съ нимъ награды и чины,
Въ свои помѣстья удалялись;
Другіе въ преданность отчизны
На Волгу въ Нижній устремлялись.

Одинъ изъ этихъ патріотовъ,
Бояринъ знатный въ санѣ думный
(Его прозванье Скаріотовъ),
И сынъ, его лѣтами юный,

Неслись они, гдѣ бранный звукъ
Въ защиту Руси раздавался,
Гдѣ въ дружбѣ общей русскій духъ
Съ надеждой въ Бога ополчался,

Неслись они, гдѣ Ляховъ взоръ
Не могъ провидѣть ихъ путей;
Имъ часто былъ дремучій боръ
Пріютомъ мирнымъ средь ночей.

Горѣлъ душою Скаріотовъ
Скорѣе къ цѣли прилетѣть;
Его дружина—изъ атлетовъ,
Всегда готовая на смерть.

Но онъ заѣхалъ повидаться
Къ Букану, другу своему,
Заѣхалъ въ домъ его проститься
По дружбѣ искренней къ нему.

Онъ съ нимъ, бывало, въ стары годы
Заморскія вины пѣнилъ,
Не знавъ новѣйшей иной моды,
По дѣдовски хлѣбъ-соль водилъ.

Буканъ, какъ гостя дорогаго,
Въ радушьи сердца своего
Встрѣчалъ товарища былаго
И сына юнаго его

И съ нимъ дружину боевую;
Вводилъ ихъ въ теремъ свой высокій,
И кликалъ дочь свою родную,
Презрѣвъ славянъ обычай строгій,

Презрѣвъ законы тѣ святые,
Которыхъ русскіе держались,
Въ которыхъ дѣвы ихъ младыя
Отъ взоровъ мужескихъ скрывались.

Но онъ Марію не скрывалъ,
Онъ ей, какъ славою гордился;
Когда-жъ друзей онъ угощалъ,
То кубокъ первый запѣнился

Въ ея цвѣтущее здоровье.
Сама Марія проливала
Въ гостей кипучее веселье
И жизнь двойную въ нихъ вселяла:

Ея рѣчей живыя ласки
На всѣхъ, какъ чары, налегали,
Ея агатовые глазки
Свѣтлѣе звѣздъ ночныхъ сверкали.

И долго-долго съ шумомъ длилась
Бояръ пирушка среди ночи.
Марія спать ужъ уложилась,
Но сонъ ея забыли очи,

Забылъ ея дѣвичій умъ
Покой и нѣгу юныхъ лѣтъ;
Предъ ней среди тревожныхъ думъ
Вился ей вѣдомый предметъ.

Горѣла въ ней дѣвичья кровь
И грудь и перси трепетали,
Тѣснилась въ сердце ей любовь
И чувства млѣли и страдали.

И вотъ она встаетъ съ постели.
Въ окно глядѣлась къ ней луна
И звѣзды на небѣ горѣли;
Земля жъ, объятая средь сна,

Была покрыта черной мглою.
И тихо было все кругомъ,
Вдали лишь только за рѣкою
Невнятно въ сумракѣ ночномъ

Шумѣлъ, казалось, черный лѣсъ.
Она внимала, ей чудилось,
Тамъ прекликался съ лѣшимъ бѣсъ.
И страшно—страшно становилось

Одной ей въ комнатѣ пустой.
Въ углу въ лампадѣ золотой
Предъ Богоматерью Святой
Мерцалъ, искрясь, полуживой

Во мракѣ тусклый, блѣдный свѣтъ.
Творитъ она молитву въ страхѣ
И няню старую зоветъ;
И та идетъ въ одной рубахѣ

И молвитъ ей, со сна зѣвая:
« Иль ты не спишь, моя голубка?
« Теперь вполнѣ пора ночная.
« Да гдѣ жъ была моя тутъ юбка?»

— Мнѣ няня скучно и не спится,
« Душа болитъ и сердце ноетъ,
« Мнѣ страшно—страшно и чудится,
« Въ лѣсу какъ будто кто-то воетъ,

— Сила Крестная съ тобою!
« Спаси Христосъ тебя, помилуй!
« Ты не одна, а вѣдь со мною,
« Чего бояться, другъ мой милый?

— Не то, чтобъ, няня, я боялась;
« Но грустно, грустно мнѣ, ей Богу!
« Кажись, не знать, кудабъ дѣвалась,
« И мнѣ молиться нѣтъ силъ Богу.»

— И что ты, что ты, моя пташка!
« Помни Бога, что за грусть?»
— Но, право, няня, въ груди тяжко.
« Садись, скажи мнѣ что нибудь!»

« Но что сказать тебѣ, лебедка?
« Ужъ развѣ то, какъ Грозный царь».....
« О, нѣтъ, не то! а какъ молодкой
« Живала, нянюшка, ты встарь?»

« Сказала бъ, миленькій дружечекъ,
« Да вѣдь плоха ужъ память стала,
« Увяла младость, какъ цвѣточекъ,
« И видишь, стала я ужъ стара,

« И старый умъ мой, мнѣ повѣрь,
« Что было въ молодость, забылъ.
« Но если хочешь, то теперь
« Скажу старинную же быль!»

И сѣла няня у окошка,
А Маша свѣчку засвѣтила
И чтобъ утѣшиться немножко
Къ разсказу слухъ свой устремила.

А та чихнула, кашлянула,
Глаза протерла кулакомъ,
На мигъ задумалась, зѣвнула
И замолола языкомъ:

« Не въ Нѣмецкомъ государствѣ,
« А въ и нашемъ Русскомъ царствѣ
« Былъ Димитрій, Князь Донской,
« А владѣлъ-то онъ Москвой.

« Знаешь, милая, тогда
« Всѣ большіе города
« Межъ князьями раздѣлялись
« И столицей назывались.

« И въ старинные тѣ годы,
« Если вѣрить, другъ, народы
« Не платили податей,
« Было времячко простѣй.

« Такъ-то жили наши дѣды
« И не знали, что есть бѣды;
« Но скажу тебѣ прямѣй,
« Безъ прикрасъ и безъ затѣй.

« Отъ насъ въ полночной сторонѣ
« И на нашей же рѣкѣ
« Боръ дремучій черный былъ.
« Въ немъ разбойникъ страшный жилъ,

« По прозванью Селиванъ, (*)
« И имѣлъ свой грозный станъ
« На высокой на горѣ,
« У Киржача на брегѣ.

« Его шайка удалая,
« Всегда праздная и злая,
« Хоть отца сгубить не прочь,
« Тамъ бродила день и ночь.

« И отъ нихъ, какъ отъ чертей,
« Тамо не было путей
« Ни боярамъ, ни купцамъ,
« Ни проѣзжимъ молодцамъ!

« Ахъ страшна, няня, быль твоя!
« Не лучше-ль мнѣ, я лягу спать,
« А завтра, нянюшка моя,
« Ее мнѣ можешь досказать!

—Ложися, золото мое..!»
И дѣва томная легла,
А няня набожно ее
Перекрестила и ушла.

(*) Селиванова гора въ Киржачѣ.

И тотъ же въ спальнѣ водворился
Мракъ, озаряемый луной,
И тотъ же свѣтъ съ лампады лился
На перси дѣвы молодой.

По камкѣ видно разметались
Небрежно кудри смоляныя.
И долго дѣвѣ все мечтались
Дотолѣ грезы неземныя.

Съ лучемъ денницы золотой
Объялъ ее могучій сонъ,
Но изъ груди ея младой
Летѣлъ порою тихій стонъ.

Ее смущало ложе снами:
Ей снился юноша младой
Съ очами темно-голубыми,
Съ темнокудрявой головой;

Манилъ ее онъ томнымъ взоромъ
И къ ложу руку простиралъ
И молчаливымъ разговоромъ
Какъ будто-бы съ собою звалъ.

То подходилъ, ее ласкалъ,
Касался тихо ея стана,
То нѣжно, страстно цѣловалъ,
То вмигъ скрывался средь тумана.

И тяжко—тяжко становилось
Влюбленной дѣвѣ среди сна,
Ударомъ внятнымъ сердце билось
И просыпалася она.

Вскрывала очи и въ очахъ
Висѣли слезы жемчугомъ,
Сквозь слезы тѣ искрился страхъ,
Внушенный ей тревожнымъ сномъ.

Давнымъ—давно съ чулкомъ въ рукахъ
Сидѣла няня подъ окномъ;
Давно свѣтило дня въ лучахъ
Горѣло въ небѣ голубомъ,

Лило на лѣсъ и лугъ зеленый,
Подобно золоту, свой свѣтъ;
Давно хоръ птичекъ пробужденный
Пропѣлъ вседневный свой концертъ.

Давно Буканъ въ своихъ садахъ
Водилъ проснувшихся гостей
(Онъ былъ съ природою въ ладахъ,
И преданъ былъ ей всей душей).

И руку объ руку ходилъ
Стопою тихой съ Скаріотомъ.
Одѣтъ же онъ всѣхъ проще былъ:
Въ кафтанѣ русскомъ, не богатомъ,

И вмѣсто золота кафтанъ
Изъ шелку петли украшали;
Излишней пышности Буканъ
Терпѣть не могъ, какъ польской стали.

За то товарищъ съ нимъ старинный
Одѣтъ свѣтлѣй, пышнѣе былъ:
На немъ жупанъ атласный, длинный
И солнца свѣтъ горѣлъ, скользилъ

По петлямъ, кистямъ золотымъ,
Кушакъ персидскій дорогой
И грозно заткнутый за нимъ
Кинжалъ съ уборкой золотой.

Порою взоры ихъ свѣтились
Какой то радостью живой,
То вдругъ смущались и мрачились,
Кипѣли местью и грозой.

Понятно было изъ ихъ словъ,
Они о Руси разсуждали,
Бранили князя, поляковъ
И бѣды русскихъ исчисляли.

Порой къ природѣ обращались,
Дивились мѣстности, красамъ,
Дубами мощными плѣнялись,
И взоръ бросали по лѣсамъ,

Гдѣ были вязы вѣковые
И стройно кленъ зеленый росъ
И купы высились большія
Густыхъ, развѣсистыхъ березъ.

И вотъ они идутъ изъ сада
Безмолвно дружною толпою
Туда, гдѣ страшная громада
Песковъ висѣла надъ рѣкою,

Туда, гдѣ брегъ отвѣсный былъ,
Стоящій грозною скалою,
И гдѣ Киржачъ гремѣлъ и билъ
О берегъ шумною волною

И рылъ ребрами своихъ водъ
Свои родные берега,
Гдѣ онъ смывалъ большихъ породъ
Дубы и клалъ къ себѣ въ нога,

Ихъ засыпая пескомъ, иломъ,
Потомкамъ дальнимъ на показъ,
И въ дикой вольности разгуломъ
Плѣнялъ пришельца умъ и глазъ.

Надъ нимъ то гости и Буканъ
Стояли, въ думы погрузясь.
Ковромъ зеленымъ разосланъ,
Вдали алмазами искрясь,

Лежалъ росой покрытый лугъ;
За нимъ тянулся черный лѣсъ,
Дѣлилъ съ звѣрями онъ досугъ,
Сливаясь съ высію небесъ.

Свѣтлѣе стали по лугу
Виднѣлось множество озеръ;
Одно изъ нихъ, лаская взоръ,
Средь зелени сойдясь въ дугу,

Обширнѣй было изо всѣхъ;
По немъ скользили средь зыбей,
Бѣлѣясь ярко, словно снѣгъ,
Стада большія лебедей.

« Вотъ здѣсь, друзья,»
Буканъ сказалъ,
« Охочусь, тѣшусь часто я.»
И въ лѣсъ рукою показалъ.

« А тамъ, вонъ видите, въ лѣсу
» Стоитъ высокій, старый дубъ.
« И я люблю его красу,
« Онъ мнѣ съ чего то милъ и любъ.

« Подъ нимъ частенько я въ грозу
« Съ толпою вѣрныхъ слугъ и псовъ
« Пріютъ имѣю и слѣжу
« Извивы молній средь громовъ.

« И тамъ порою моя Маша
« Гуляетъ съ нянею своей.
« Скажу, друзья, вамъ, воля ваша,
« А я васъ съ дворнею моей

« Потѣшу ловлею звѣрей.
« Тамъ есть лисицы дорогія,
« Травилъ я тамъ и оленей,
« Тамъ и медвѣди есть большіе.

« Коней я вамъ даю своихъ,
« Любыхъ берите изъ конюшенъ!
— Готовы! всѣ сказали вмигъ.
« Но гдѣ же твой, бояринъ, сынъ?»

Сказалъ Буканъ тутъ Скаріоту,
« Его здѣсь нѣтъ, но онъ навѣрно
« Поѣдетъ съ нами на охоту?
— Охъ, нѣтъ, бояринъ! что то дурно

— Съ моимъ Володею случилось:
— Всю ночь ему кажись не спалось,
— Лицо померкло, помутилось,
— Огнянка (*) вѣрно привязалась.»

Сказавши это, всѣ толпой
Пошли къ Букану въ его домъ.
И тамъ дѣдовскою стопой
Буканъ обнесъ гостей виномъ.

(*) Лихорадка.

Вели на сворахъ гончихъ псовъ
И всѣ холопы суетились;
Но вдругъ прервался звукъ роговъ,
Бояре сѣли и пустились.

Вилась за ними пыль столбомъ
И застилала взбитый путь.
Сожженна солнечнымъ огнемъ
Суха была земная грудь.

И стихло все въ боярскомъ домѣ.
Въ покояхъ, данныхъ для гостей,
Одинъ Владимiръ на просторѣ,
Предавшись горести своей,

Сидитъ печаленъ и унылъ,
На грудь поникнувши челомъ;
То подымался и ходилъ,
И на челѣ его младомъ

Блуждали думы чернѣй ночи,
Предъ нимъ витали среди дня
Хозяйки милой черны очи,
Какъ два полночные огня.

И эти очи огневыя
Дугою черною бровей
Вмигъ окаймлялись, какъ живыя;
Надъ ними мрамора бѣлѣй

Свѣтлѣлось юное чело
И вился локонъ смоляной
И пышной розою цвѣло
Лицо съ улыбкой молодой.

Подобно парусу, волнуя,
Грудь колыхалася у ней,
Уста просили поцѣлуя,
Просили жизни и страстей.

Но мигъ, другой—и тотъ скрывался
Воздушный призракъ, неземной.
Владимiръ въ мигъ тотъ забывался
Въ истомѣ сердца и мечтой

Летѣлъ отъ мiра въ мiръ иной,
Парилъ въ безбрежныхъ небесахъ,
Искалъ тамъ призракъ молодой.
Но тамъ, въ невѣдомыхъ странахъ,

Онъ видѣлъ образы иные:
Съ красой прелестною въ очахъ
Ихъ были лица неземныя
И въ ихъ божественныхъ чертахъ

Улыбка райская цвѣла;
Другiе жъ были, какъ злодѣи,
Полны въ чертахъ коварствомъ зла,
Они надъ грѣшною землею

Носяся, злобу насаждали
И въ злобѣ, гордости надменной
Законы Бога презирали.
И видѣлъ, какъ въ хаосѣ темномъ

Неслись съ безсчетной быстротой
Въ громадахъ глыбы земляныя,
Горѣлъ на нихъ, какъ свѣтъ денной,
Онѣ казались золотыя;

Иныя были темны, мрачны
И тѣхъ, какъ ночь, неслась громада;
Иныя мчалися прозрачны;
Иныя были, какъ огнь ада.

Летѣлъ и къ міру онъ потомъ,
Какъ мысль поэта съ быстротой,
Парилъ въ пространствѣ голубомъ
Надъ златоглавою Москвой

И видѣлъ русскихъ тяжкій плѣнъ.
Изъ нихъ друзей онъ узнавалъ.
Межъ нихъ Святитель Гермогенъ
Героемъ въ мукахъ умиралъ.

Все это видя, онъ страдалъ.
И взоръ его кипѣлъ грозой,
Онъ тутъ же въ мщеніи искалъ
Кинжала трепетной рукой.

И въ мигъ онъ этотъ пробуждался
Отъ грезъ тревожныхъ и умомъ,
Кажись, спокойнымъ быть старался.
Но въ этотъ мигъ передъ окномъ

Его свѣтлицы одинокой
Мелькнулъ какой-то призракъ бѣлый.
Кипѣли чувства въ немъ тревогой;
Стопою скорою, смущенный

Подходитъ онъ къ тому окну:
Предъ нимъ стояла купа липъ
И онъ узрѣлъ предъ ней одну
Младую дѣву. Ея ликъ

Былъ мраченъ блѣденъ и слеза,
Искрясь, висѣла на рѣсницѣ,
Какъ утромъ свѣтлая роса
На розѣ въ маѣ при денницѣ;

Ее, какъ небо голубое,
Изъ шелку ферязь обвивала
И ожерелье дорогое
Роскошно грудь ей облегало.

И снѣга вешняго бѣлѣй
Съ ея головки ниспадала
Преграда мужескихъ очей—
Изъ камки тонкой покрывало.

Подъ камкой тою онъ узналъ
Хозяйку милую свою,
Ту, образъ чей искалъ
Въ хаосѣ темномъ и въ раю.

Какъ будто громомъ пораженный,
Съ отъятымъ чувствомъ и душой,
Какъ будто къ полу пригвожденный,
Какъ будто камень гробовой,

Стоялъ Владиміръ недвижимъ,
Вперя на дѣву мутный взоръ.
Безмолвенъ онъ, но дѣва съ нимъ
Сама заводитъ разговоръ.

Какъ вѣтръ нежданный въ тишинѣ
Вдругъ колыхнетъ сонной волной,
Иль ропотъ бури въ вышинѣ,
Грозы предвѣстникъ роковой,

Послышится надъ головой,
Пугая робкаго пловца
Но робость часто поселяетъ
Надежду въ Вышняго Творца
И въ грудь отвагу проливаетъ;

Такъ и Владиміръ вдругъ смутился
Нежданно дѣвы появленью;
По немъ, какъ пламень адскій лился,
Какъ будто адскому мученью

Въ минуту ту онъ преданъ былъ;
Кажись, онъ небеса молилъ,
Кажись, у неба онъ просилъ
И новыхъ чувствъ, и новыхъ силъ.

Но силы тѣ ему дались,
Когда коснулся дѣвы звукъ
Его ушей; тогда, кажись,
Лишился онъ сердечныхъ мукъ;

Тогда-то принялъ онъ вполнѣ
И чувства всѣ и бытіе,
И жизнь, кажись, влилась вдвойнѣ
Тогда въ него и ничье

Чужое око подозрѣнья
На нихъ украдкой не смотрѣло,
Одно лишь полное сіянья
На небѣ солнышко горѣло.

Одно оно съ улыбкой ясной
Въ лучахъ небесной красоты
Внимало дѣвы рѣчи страстной,
Смотря полуднемъ съ высоты.

И дался юнымъ даръ слова,
И рѣчь ему далась живая,
И полонъ чувства неземнаго,
Какъ будто даннаго изъ рая,

Онъ съ ней бесѣду долгу велъ,
Не зная нашихъ модныхъ фразъ,
Онъ объяснился, какъ умѣлъ.
Но часто, часто и у насъ

Бываетъ въ случаяхъ такихъ,
Когда мы къ дѣвѣ на свиданье
Страстей въ утѣху молодыхъ
Спѣшимъ и мысль полна мечтанья,

И грудь поэзіей святой
Въ часы тѣ дышетъ и пылаетъ,
Но пуще лавы огневой,
Когда Везувій извергаетъ,

Страшитъ насъ дѣвы робкій взоръ,
И предъ зарей ея ланитъ
Мы часто чувствуемъ позоръ
И часто, часто объяснить

Не въ силахъ чувства и желанья;
Въ минуты эти мы бываемъ
Полны тревожнаго страданья
И комплименты забываемъ.

О чемъ же рѣчь была ихъ втайнѣ?
Чего желанье ихъ алкало?
И что было наединѣ?
О томъ преданье умолчало,

То вѣдалъ лишь единый Богъ!
Извѣстно только, что сильнѣй
Съ тѣхъ поръ Владимiръ занемогъ,
А Маша стала веселѣй.

Проходитъ день, прошелъ другой,
Владимiръ съ ложа не встаетъ.
Когда предъ нимъ отецъ сѣдой,
То онъ въ бреду, не ѣстъ, не пьетъ;

Но лишь отецъ выходитъ вонъ,
То онъ тихонько востаетъ:
И пьетъ, и ѣстъ отъ всѣхъ тайкомъ
И всѣмъ здоровъ, и боли нѣтъ.

Но знать, никто не зналъ о томъ,
То только Маша одна знала;
Она одна ему во всемъ
Отъ няни скрытно помогала.

Промчались такъ и двѣ недѣли.
Какъ тѣнь больной похожъ съ лица
И день, и ночь онъ былъ въ постели
И боли небыло конца.

Дивится старость и теперь:
Хитра какъ младость на проказы!
Но слушай, пень, и свято вѣрь
Въ мои не ложные разсказы.

Прошла молва, что ужь въ походъ
Пожарскій двинулъ храбрыхъ рать
И что со всѣхъ сторонъ народъ
Течетъ Москву въ бѣдахъ спасать.

И мчатся они, Буканъ узналъ
По той молвѣ, по тѣмъ словамъ,
И ратъ, и всѣ на Ярославль,
Что будетъ тамъ второй ихъ станъ.

Грустилъ, томился, ревновалъ
Нетерпѣливый Скаріютъ,
Но вотъ дружину онъ созвалъ
И объявилъ имъ свой походъ.

Его влекла и призывала
Къ отчизнѣ преданность святая
И больше времени не ждала
Его отвага удалая.

Больнаго-жь сына попеченью
Букана друга поручилъ
И по сердечному влеченью
Казной приличной надѣлилъ,

Оставилъ также и двухъ слугъ
Надежныхъ, преданныхъ и вѣрныхъ
И наказалъ: когда недугъ
Пройдетъ по волѣ благъ небесныхъ,

То непремѣнно и какъ можно
Скорѣе въ путь бы торопился.
Такъ приказавши и какъ должно
Онъ съ сыномъ страждущимъ простился.

Но лишь взошло свѣтило дня
И утро майское проснулось,
То, въ чувствахъ полная огня,
Дружина въ путь засуетилась.

Чрезъ часъ она уже неслась,
Ее никто не провожалъ,
Одна лишь пыль за ней вилась
Горою черной, въ видѣ скалъ.

А ты тогда
Средь утра сладостно дремалъ,
Тебя томила нѣги лѣнь,
Ты ихъ отъѣзда не видалъ.

И такъ, прощай, лѣсной мой другъ!
Не скученъ если мой разсказъ
И если будетъ мнѣ досугъ,
То доскажу въ другой я разъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Опять я, пень, передъ тобой!
Меня влечетъ твоя печаль;
Ты мнѣ по долюшкѣ родной
И мнѣ тебя, несчастный, жаль!

Какъ ты, я брошенный семьей;
Какъ ты, томлюся я тоской;
Какъ ты, живу среди елей;
Какъ ты, борюся я съ судьбой.

И такъ же вздорная толпа
Плететъ разсказы про меня,
И такъ же ѣдкая молва
Клеймитъ позоромъ, какъ тебя.

И такъ же я, какъ ты, мой другъ,
На всѣхъ съ холодностью взираю,
И такъ же нѣмъ, и такъ же глухъ,
И такъ, какъ ты, всѣхъ презираю.

И такъ же съ жизнію безплодной
Готовъ, какъ ты, всегда проститься,
И такъ же я жилецъ бездомный,
Какъ ты, не въ силахъ и молиться.

Ты мой сосѣдъ въ этой глуши
И я, что слышалъ про тебя,
Готовъ по дружбѣ, отъ души,
Все разсказать, тебя любя!

Когда Пожарскій съ Трубецкимъ
Стояли дружно предъ Москвою,
Когда Хоткевичъ съ войскомъ польскимъ
Приспѣлъ туда жь, готовый къ бою,

Когда во страхѣ вся Россія
Ждала развязки роковой,
Когда съ мольбой дары большіе
Обитель Троицы Святой

Въ награду вѣрнымъ обѣщала
И тутъ же щедрою рукой
Свои богатства расточала
И слала иноковъ на бой—

Во время это, дубъ ты мощный,
Не зная бѣдъ, роскошно цвѣлъ
И среди дня, и въ часъ полночный
Подъ вѣтеръ дружно пѣсни пѣлъ.

Но есть преданіе въ народѣ
Когда ждала тебя бѣда,
Былъ августъ жаркій на исходѣ,
И увядала ужь природа,

Во время это, въ ночь одну,
Когда все спало подъ луною,
Когда и лѣсъ, и вышину
Одѣла ночь туманной мглою,

Къ тебѣ три всадника лихіе
Подобно вихрю прискакали,
Чернѣе ночи вороные
Ихъ были кони и дышали

Они подъ ними во всю грудь;
Подпруги, узды въ мылѣ были,
Какъ будто-бы далекій путь
Они по виду совершили.

Лежалъ на всадникахъ слоями
Сухой земли холодный прахъ,
У всѣхъ винтовки за плечами
И сабли были при бокахъ.

Одинъ изъ нихъ во цвѣтѣ лѣтъ,
Въ кафтанѣ польскомъ дорогомъ,
Кинжалъ и пара пистолетъ
Виднѣлись врядъ за кушакомъ,

И на лицѣ его младомъ
Кипѣла страсть живымъ огнемъ,
Водилъ очами онъ кругомъ
И презиралъ лѣсную темь.

« Сюда подъ дубъ, мои друзья!
« Онъ мнѣ родной и приметъ васъ;
« Подъ нимъ одинъ, бывало, я
« Сидѣлъ задумчивый не разъ;

« Бывалъ подъ нимъ я и вдвоемъ
« Съ прелестной дѣвой молодой,
« Дѣлилъ я съ ней любовь при немъ,
« Онъ былъ свидѣтелемъ нѣмой!

Сказавши это, путникъ юный,
Съ собой товарищей маня
И какъ орелъ съ выси лазурной,
На землю бросился съ коня.

За нимъ и спутники въ тотъ мигъ
Сошли съ дымящихся коней;
Какой то страхъ былъ въ лицахъ ихъ,
Какъ будто тихій шумъ елей

Страшилъ ихъ слухъ и мысль и умъ,
Какъ будто лѣсъ пугалъ ихъ очи;
Одинъ лишь юноша безъ думъ,
Забывши все во мракѣ ночи,

Съ плеча винтовку торопливо
Онъ съ нетерпѣніемъ снималъ,
Къ кустамъ приставилъ молчаливо,
Потомъ товарищамъ сказалъ:

« Вотъ здѣсь меня должны вы ждать!
« Пущай мой конь стоитъ при васъ.
— Въ твоей бояринъ волѣ власть!»
« И такъ, иду я! «—Добрый часъ!»

Минута, двѣ—и въ тьмѣ лѣсной,
Среди елей и средь дубовъ
Сокрылся путникъ молодой.
Въ минуты тѣ средь облаковъ

Явилась блѣдная луна
И томный взоръ ночной царицы
Взглянулъ тайкомъ на землю сна,
Поникъ подъ дубъ и палъ на лицы

Ночныхъ невѣдомыхъ гостей,
На ихъ уборъ вооруженный,
На ихъ товарищей-коней,
Затянутыхъ сбруей сѣдельной.

Когда-бъ медвѣдь, жилецъ лѣсной,
Явился къ нимъ лицомъ къ лицу
И звалъ бы ихъ на смертный бой,
То вѣрно-бъ въ очи космачу

Они взглянули бы смѣлѣе
И разсчитались бы смѣлѣй;
Но свѣтъ луны для нихъ страшнѣе
Былъ цѣлой стаи медвѣдей;

При свѣтѣ томъ они пугались
И только мрачно, робкимъ взглядомъ
Они безмолвные мѣнялись,
Какъ будто свѣтъ для нихъ былъ ядомъ.

Но мигъ, другой—и блѣдный лучъ,
Не споря, далъ свободу тьмѣ
И скрылся вновь за пологомъ тучъ.
« Скажи, родной Петровичъ, мнѣ?»

Сказалъ одинъ, прогнавши страхъ:
« Зачѣмъ мы здѣсь въ глуши живемъ?
« И день и ночь бродимъ въ лѣсахъ?
« Зачѣмъ Москву спасать не идемъ?

« Ужель Москва не наша мать?
« Ужели тамъ непримутъ насъ?
« Ужель за Русь нѣтъ доли пасть,
« Гдѣ палъ въ бою бояринъ нашъ,

« Гдѣ пала съ нимъ дружина вся,
« Спасая вѣру, Русь спасая?»
— Все это правда, другъ мой, Вася!
— Я знаю все и рѣчь твоя,

— Твои слова мнѣ рѣжутъ грудь.
— Ахъ, еслибъ мнѣ была въ томъ воля,
— Сей мигъ бы я помчался въ путь!
— Но мнѣ дана иная доля....—

« Не та ли доля, какъ злодѣю
« Тлѣть въ прахѣ средь лѣсовъ,
« И грудью преданной своею
« Кормить медвѣдей и волковъ?

« Ужели нашъ поступокъ злой
« Угоденъ будетъ небесамъ?
« Ужели онъ самой судьбой
« Съ рожденьемъ насъ назначенъ намъ?

« Не прихоть ли чужихъ страстей
« Въ погибель насъ теперь ведетъ?
« И правы ль мы въ глазахъ людей
« Своею вѣрностію? Нѣтъ!

« Кто въ вихрѣ дни безплодно губитъ,
« Забывши свой священный долгъ,
« Свою отчизну кто забудетъ,
« Того забудетъ правый Богъ!»

— Всему я вѣрю, но служить
— Я предъ бояриномъ поклялся,
— А, знаешь, клятву преступить—
— И стыдъ, и грѣхъ... Я обѣщался,

— Когда бояринъ отъѣзжалъ.
— Больного сына намъ вручая,
— Не измѣнять.—И ты сдержалъ,
« Обѣтъ тотъ весь, не погрѣшая.

« Тебя отъ узъ онъ разрѣшилъ.
« Упрямство жъ вѣрности твоей
« И всѣ мольбы твоихъ друзей
« Намъ не заслужатъ и могилъ.

« Насъ проклянутъ друзья, родные,
« Россія вся, весь русскій міръ...
« Мы будемъ Богомъ забытые!
« А кто виной? все Владиміръ!

« Онъ—недостойный отца сынъ!
« Его за все накажетъ Богъ.
« Въ Россіи, вѣрно, онъ одинъ
« Любовь къ отчизнѣ пренебрегъ.

« На что, скажи, согласенъ ты:
« Погибнуть ли, друзья гдѣ пали
« На полѣ чести отъ литвы,
« Или въ лѣсу отъ русской пули?...

« Скажи скорѣй, скорѣй, не мучь
« Мою тоскующую грудь!
« Смотри, луна опять изъ тучъ
« Глядитъ на насъ и вѣрно путь

« Она ведетъ къ Москвѣ Святой.
« А мы? Молю же, отвѣчай!
« Но ты молчишь, какъ пень лѣсной,
« Ты не другъ мнѣ! И такъ, прощай!»

Сказавши это, онъ готовъ
Былъ мигомъ вспрянуть на коня,
Искалъ рукой ужъ поводовъ
И ногу ставилъ въ стремена.

Но вдругъ: «Постой! возьми меня!».
Сказалъ Петровичъ, зарыдавши.
« Постой, мой другъ! готовъ и я:»
И вмигъ товарища обнявши,

Онъ плакалъ горько и слезой
Землю холодную кропилъ,
Какъ будто-бы минутой той
Онъ гору съ плечъ своихъ валилъ,

Какъ будто-бы тѣхъ силъ родныхъ
Собравши силы огневыя,
Пробилъ души его тайникъ
И вынесъ чувства вмигъ святыя,

Онъ сердца муку облегчилъ.
« Готовъ и я, мой строгій другъ!»
И съ этимъ словомъ онъ вскочилъ
На верхъ коня, какъ легкій пухъ.

И съ нимъ товарищъ молодой,
Очьми сверкая, какъ огнемъ,
Въ одно мгновенье съ быстротой
Усѣлся на сѣдлѣ своемъ.

И трижды знаменемъ креста
Они поспѣшно оградились,
Шептали что то ихъ уста,
Они, какъ видится, молились.

И вотъ, поводья подобравши,
Надвинувъ шапки до бровей,
Другъ другу слова не сказавши,
Они помчались и быстрѣй,

Кажися, вѣтра поскакали;
Ничто имъ былъ: ни пень, ни кустъ,
Лишь только въ чащѣ задѣвали
За вѣтви шапками и листъ

Съ деревъ поблекщихъ отрясали;
Да подъ стопами ихъ коней
Порой ломались и трещали
Сучья тлѣющихъ вѣтвей;

Да конь Владиміра въ тотъ мигъ,
Себя почуя одного,
Проржалъ три раза и затихъ,
Кругомъ не видя никого.

И смолкъ, кажися, лѣсъ дремучій,
И слѣдъ тѣхъ всадниковъ простылъ,
И мѣсяцъ спрятался за тучи.
Одинъ Владиміръ лишь бродилъ

У водъ Киржача и въ рукахъ
Онъ саблю острую держалъ
И сю, щупая въ кустахъ,
Чего то пристально искалъ;

То въ нетерпѣніи нѣмомъ
Въ тьмѣ озиралъ пространство водъ,
Какъ будто бы рѣшался онъ
Чрезъ ихъ струи пуститься въ бродъ.

Но дерзки тѣ были бы мысли:
Противный берегъ былъ крутой
И грозными скалами висѣли
Пески надъ самою рѣкой.

Да и Букановъ самый домъ
Стоялъ вблизи, лицомъ къ рѣкѣ,
А онъ ему, какъ бурный громъ,
Ужасенъ былъ въ минуты тѣ.

Но онъ не думалъ отдаваться
На волю гибельной стихіи,
Не думалъ горю предаваться,
Онъ средства взялъ давно другія,

Какія были только нужны,
И, не вдаваясь въ размышленья,
Стопою тихой осторожно
Пошелъ онъ ниже по теченью.

И тамъ, гдѣ брегъ предъ нимъ высокій
Отлого низился къ рѣкѣ,
Нашелъ челнокъ онъ одинокій,
Имъ тайно скрытый въ тростникѣ.

Какъ узникъ радъ своей свободѣ,
Когда отъ узъ онъ разрѣшенъ,
Томившись въ нихъ, забывши годы,
Такъ былъ обрадованъ и онъ.

Минуты время не теряя,
Садится онъ въ привѣтный челнъ
И, смѣло стремя разсѣкая,
Плыветъ одинъ средь спящихъ волнъ.

И волны, тихо колыхаясь,
Пущали челнъ къ себѣ на грудь
И, въ тьмѣ ночной подъ нимъ ласкаясь,
Прямой ему давали путь.

И берегъ сонный торопливо
Камышъ раздвинулъ передъ нимъ.
Челнокъ причалился лѣниво
И сталъ на мѣстѣ недвижимъ.

Какъ ястребъ, чуя предъ собою
Добычи лакомый кусокъ,
За нимъ бросается стрѣлою,
Хотя бъ шумѣлъ подъ нимъ потокъ;

Съ подобной мыслью огневою,
Своей рискуя головой,
Владимiръ бросился стрѣлою
Къ желанной цѣли роковой.

Предъ нимъ виднѣлся барскій домъ,
Во мракѣ ночи погруженный,
Заборъ бревенчатый кругомъ
Высоко, прочно обнесенный,

И садъ зеленый, и свѣтлица,
Пріютъ хозяйки молодой.
Туда понесся онъ, какъ птица
Чрезъ садъ знакомою тропой;

Туда, гдѣ дѣва молодая,
Въ тоскѣ забывши ложе сна,
Сидѣла, друга поджидая,
Склонясь головкой у окна.

Давно Марія въ нетерпѣньи
Совсѣмъ одѣтая сидѣла,
Терзалась грудь ея въ мученьи
И муки не было предѣла.

На стражѣ взоръ ея и слухъ:
Качнетъ ли вѣтръ въ саду кустомъ,
А ей чудится идетъ другъ
И кровь ея горитъ огнемъ,

И сердце въ страхѣ замираетъ;
То мнится, няня къ ней идетъ,
И вновь она душой страдаетъ.
Но няня спала безъ заботъ,

Какъ спали всѣ: и старъ, и малъ;
И тихъ, спокоенъ былъ весь домъ,
И самъ хозяинъ почивалъ
Безъ думъ, глубокимъ крѣпкимъ сномъ.

Одинъ рыбакъ лишь на рѣкѣ,
Забывъ полночь и страшный часъ,
Не спалъ, качаясь въ челнокѣ,
Кидая сѣть въ послѣдній разъ.

Въ минуту эту быстро вдругъ,
Предъ дѣвою Владиміръ сталъ,
Ка́къ будто бы незримый духъ
Съ небесъ невѣдомыхъ упалъ.

И въ ту минуту, въ то мгновенье
Окошка лѣстница коснулась,
По ней безъ словъ, безъ объясненья
Дѣвица къ юношѣ спустилась.

И, обмѣнявшись молча взглядомъ,
Коснувшись устъ, рука съ рукой
Схватясь, они помчались садомъ
И въ тьмѣ сокрылися ночной.

Ихъ не видалъ никто. Но няня
Чрезъ полчаса на грѣхъ проснулась,
На грѣхъ ей что-то въ это время
Во снѣ ужасное приснилось.

И вотъ она идетъ тихонько
Въ свѣтлицу дѣвы молодой,
Дверь отворила и легонько,
Едва касаяся ногой,

Подходитъ къ дѣвичей постели,
Вскрываетъ пологъ. Дѣвы нѣтъ....
« Да гдѣ жъ, голубка?» былъ
Вопросъ няни въ тотъ моментъ.

Какъ словно варомъ окатившись,
Какъ словно видя чертей лица,
Какъ словно яду проглотивши,
Бѣжитъ она къ окну свѣтлицы.

Окно открыто и въ окнѣ
Былъ видѣнъ бѣгства явный слѣдъ.
Тутъ няня смѣтила въ умѣ,
Но уже поздно; дѣвы нѣтъ....

И тутъ то ужасъ и испугъ
Страшнѣе смерти оковали
Въ груди ея смущенный духъ;
Ей легче-бъ было, если-бъ взяли

Послѣдній свѣтъ изъ глазъ ея,
Чѣмъ вдругъ дитя она лишилась.
Смолчать до утра, утая,
Она боярина боялась.

« На свѣтѣ семъ страшнѣй всего
« Идти теперь, сказать сейчасъ;
« Идти на смерть, не ровенъ часъ,
« Но что не будетъ, будь его

« Святая воля! Онъ Творецъ
« Меня одинъ отъ бѣдъ спасетъ»»....
И вотъ, крестяся, наконецъ
Она къ боярину идетъ.

И вотъ она предъ спальной той,
Гдѣ дома грозный властелинъ
Вкушаетъ сладостный покой,
Куда безъ спросу не одинъ

И днемъ холопъ ступить не смѣетъ;
Но рѣшено все и она
Дверь спальни тихо отворяетъ.
Бояринъ слышитъ среди сна

И, пробудившися при свѣтѣ
Лампады, видитъ предъ собой
Старуху блѣдную въ корсетѣ,
Какъ словно призракъ гробовой.

При этомъ видѣ удивленье
Въ очахъ Букана отразилось;
Понять не могъ онъ посѣщенье,
Но няня съ воемъ повалилась

Къ ногамъ боярскимъ и вопила:
« Прости, кормилецъ мой родной!
« Я сорокъ лѣтъ тебѣ служила
« Вѣрой, правдой и душой;

« Бѣды жъ такой, отецъ, со мною,
« Кажись, отъ роду не бывало.»
— Но что случилося съ тобою?
— Иль дочь больна?—«Ахъ, нѣтъ! Не стало

« Совсѣмъ голубушки моей.....»
— Не стало! Какъ? ужели смерть
— Ее сорвала въ цвѣтѣ дней?
— И ты ужели умереть,

— Мнѣ не сказавши, допустила?..—
« Не то кормилецъ, мой родной!
« Ея вовсе нѣтъ! Но я любила
« Ее и сердцемъ и душой.»»

И эта вѣсть, какъ будто громомъ
Въ мигъ потрясла Букана слухъ,
Онъ крикнулъ грозно и кругомъ
Его явилась толпа слугъ

Надежныхъ, вѣрныхъ и готовыхъ
Летѣть по слову хоть въ огонь,
« Коней скорѣй и саблей острыхъ!
« Огней и псовъ! И чтобы конь

« Готовъ былъ мнѣ, скорѣй, скорѣй!»
Толпа сокрылась. Онъ идетъ
Въ свѣтлицу дочери своей
И самъ увѣрился, что нѣтъ

Его отрады. И тутъ взглядъ
Онъ грозный бросилъ на старуху
И онъ проникъ въ нее, какъ ядъ.
« Въ тебѣ не станетъ, злая, духу,

« Когда отчетъ я попрошу
« О, не желай того врагу!
« Тогда тебя я задушу
« Отъ горя, старую коргу.

« Счастлива будешь, когда дочь
« Въ лѣсу-ль, въ землѣ, или въ водѣ
« Найду живую въ эту ночь.
« И тотъ не скроется нигдѣ,

« Кто посягнулъ сгубить ей честь
« И честь боярскую мою;
« Его отыщетъ моя месть,
« Хотя бы скрылся онъ въ раю.

» Хотя бы былъ онъ злобный демонъ
« Съ хвостомъ, когтями и рогами,
« Хотя и жилъ бы вмѣстѣ онъ
« Въ аду, по дружески, съ чертями.

« Я и туда готовъ на бой
« За дочь мою проникнуть самъ.
« Хоть бы разстаться съ головой,
« Хотя бы душу бросить тамъ,

« Но дочь я выручу мою!»
Сказавши это, словно левъ,
Онъ въ спальню бросился свою
И тамъ, съ поспѣшностью надѣвъ

Кафтанъ охотничій и шапку,
Заткнулъ за поясъ пистолетъ;
Схватя кинжалъ, винтовку, шашку,
Бѣжитъ на дворъ. Тамъ яркій свѣтъ

Горящихъ факеловъ большихъ
Свѣтлѣй былъ ночи, бѣлѣй дня.
« Коня!» онъ крикнулъ. И конь вмигъ
Предъ нимъ явился средь огня

(Онъ былъ Калмыцкій вороной).
Въ сѣдло—бояринъ и за нимъ
Холопы сѣли и всѣ—въ строй.
Тутъ, обратясь, сказалъ онъ имъ:

« Кто дочь мою сгибшую найдетъ,
« Получитъ тотъ на вѣкъ свободу»
« И чистымъ золотомъ разсчетъ.»
— Готовы всѣ въ огонь и воду!—

Сказали въ голосъ челядинцы.
« Объѣздить садъ и дворъ кругомъ,
« Потомъ за мной!» И какъ ордынцы
Въ набѣгѣ грозномъ, боевомъ,

Они, разсыпавшись, искали
Въ саду, въ дворѣ и кругъ двора,
Потомъ къ рѣкѣ всѣ поскакали
Туда, гдѣ высилась гора.

Предъ ними самъ бояринъ мчался,
Но предъ очами вдругъ его
Рыбакъ сѣдой съ весломъ попался,
Текла вода струей съ него.

« Такъ вотъ кто врагъ и мой злодѣй!
« Ты, вижу, мой спокой унесъ!
« Скажи-же правду всю скорѣй:
« Ты воръ?» Рыбакъ къ землѣ приросъ,

Узря боярина во злости,
И сталъ какъ камень гробовой.
« Злодѣй! разсыплю твои кости,
« Когда не скажешь предо мной,

« Кого теперь ты на рѣкѣ
« Иль везъ, иль видѣлъ? не утай!
« Ты видишь: смерть въ моей рукѣ,
« Но жизни мало твоей, знай!»

Упалъ рыбакъ къ ногамъ коня
Среди мучительныхъ тревогъ.
— Помилуй, выслушай меня...
— Скажу, что знаю, видитъ Богъ!

— Когда я плылъ, тамъ, гдѣ камышъ
— Растетъ при берегѣ отлогомъ,
— Только—только видѣлъ лишь
— Челнокъ одинъ, клянуся Богомъ!

— Онъ былъ привязанъ въ тростникѣ
— И крошки не было на немъ;
— Но не въ примѣту былъ онъ мнѣ,
— Когдя я тамъ же ѣхалъ днемъ.—

« Довольно, встань, веди въ камышъ,
« Но если къ горю ты да врешь,
« Тогда погибнешь ты, какъ мышь
« Отъ кошки гибнетъ, не за грошъ.»

И вотъ старикъ, слезой облитый,
Поспѣшно съ бодростію всталъ,
Молилъ онъ Бога, что небитый
Боярскій гнѣвъ весь испыталъ.

И вотъ ведетъ онъ за собою
Со свѣтомъ конниковъ ватагу;
Ужасенъ видъ ихъ, словно къ бою
Они готовились, и шпагу

Изъ нихъ держалъ всякъ на голо,
Кажися, смерть вилась кругъ ихъ,
Въ очахъ искрились месть и зло;
И стая псовъ дворовыхъ злыхъ

Плелась за ними по пятамъ.
И вотъ подъѣхали къ рѣкѣ:
Съ коня бояринъ сходитъ самъ
И самъ онъ въ частомъ тростникѣ

Искалъ ладьи, искалъ слѣдовъ.
Пропало все, и вотъ онъ вдаль
Бросаетъ взоръ, нахмуря бровь,
И въ грудь его какъ будто сталь

Вонзилася: онъ при огнѣ
Узрѣлъ челнокъ на той странѣ.
« За мной!» сказалъ и—на коня.
И всѣ, какъ рой за нимъ шумя,

Пустились въ бродъ черезъ потокъ.
На берегъ первый Буканъ сталъ
И что-жъ узрѣлъ? Въ ладьѣ—платокъ,
А онъ его не разъ видалъ

На шеѣ дочери своей.
« Теперь я вижу дерзкихъ путь!
« Но нѣтъ, не скроется злодѣй!..
« Или бояринъ я не будь!»

Тутъ онъ взглянулъ на слугъ своихъ
И рекъ, во злобѣ пламенѣя:
« Найдите мнѣ дочь и съ ней злодѣя!..
« Да что-бъ живыхъ я видѣлъ ихъ!»

Приказъ отдавъ, коня пришпоря,
Онъ поскакалъ. И черный лѣсъ
Завылъ, какъ будто буря
Нежданно вдругъ, съ высотъ небесъ,

Надъ нимъ упавши, разразилась:
Крикъ, лай и вой, и конскій топотъ
Все это эхомъ повторялось
И все сливалось въ шумный ропотъ.

А ты тогда, дубъ, презиралъ
Тревоги смертныхъ братьевъ гулъ;
Ты тихо, сладостно дремалъ
И въ усъ себѣ, кажись, не дулъ.

Ты видѣлъ, слышалъ средь полночи,
Кто подъ тобою отдыхалъ,
Ты видѣлъ, какъ Владиміръ очи
Маріи трепетной лобзалъ.

Ты видѣлъ страхъ тревоги ихъ,
И тайный говоръ, и біенья,
Кажися, сердца слышалъ въ нихъ,
И слышалъ дружбы увѣренья,

Когда они среди тревоги,
Понявъ измѣну, появились,
И какъ, обнявшись, въ твои ноги
Они, блѣднѣя, опустились.

Ты видѣлъ все: и какъ, нѣмѣя,
Владиміръ рвалъ свои власы,
И какъ Марія, цѣпенѣя,
Кропя слезой свои красы,

Головкой къ другу припадала.
Ты слышалъ, какъ сказалъ Владиміръ:
« Не плачь, душа, съ тобою я!
« Насъ не разлучитъ цѣлый міръ!

« Твоимъ щитомъ—вотъ эта грудь!
« Пущай друвья намъ измѣнили,
« Но я найду съ тобою путь,
« Хотя-бъ очей меня лишили!

« Къ чему сомнѣнье и печаль?
« Мы безъ друзей съ тобой спасемся
« И насъ сокроетъ тайно даль;
« Хоть нѣтъ коней, но мы найдемся

« Купить табунъ коней и слугъ.»
И съ этимъ словомъ, прижимая,
Лобзалъ онъ дѣвицу, но вдругъ
Обитель дрогнула лѣсная:

Раздался трескъ, и шумъ, и гикъ,
И сквозь кусты мелькалъ огонь.
Упала дѣва, смертный крикъ
Послѣдней рѣчи былъ «погонь!»

Но крикъ такой съ груди одной
Два раза сряду вдругъ не слышутъ.
Владимiръ къ персямъ палъ главой,
Но перси дѣвы ужъ не дышутъ.

Дыханьемъ онъ хотѣлъ согрѣть
Подруги грудь, но кругъ него
Явились зубы, сабли, смерть;
Звеня, страша, все на него

Было направлено кругомъ.
Онъ въ первый мигъ схватилъ пистоли
И предъ стѣснившимся врагомъ
Пустилъ изъ нихъ двѣ мѣткихъ пули,

Потомъ въ рукахъ могучихъ сжалъ
Своихъ товарищей стальныхъ:
Кривую саблю и кинжалъ,
И съ ними бросился онъ въ мигъ.

Рубилъ, кололъ и на смерть билъ
Людей, коней, собакъ и лѣсъ,
Но наконецъ, лишившись силъ,
Упалъ въ крови безъ капли слезъ.

Онъ не стоналъ отъ боли, ранъ
И взоръ его горѣлъ огнемъ.
Какъ злобный духъ, предъ нимъ Буканъ
Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.

« Узналъ ли ты меня, сынъ друга?
« Но все равно—узналъ, иль нѣтъ!
« Хочу теперь я средь досуга
« Съ тобой покончить мой разсчетъ.»

Потомъ онъ челяди своей
Велѣлъ безмолвнаго поднять,
Велѣлъ ремнями поскорѣй
Къ тебѣ, дубъ, крѣпче привязать.

Было то—страшная затѣя,
Затѣя Грознаго временъ,
Временъ Скуратова злодѣя,
Затѣя варварскихъ племенъ.

Молчалъ Владиміръ, но его
Къ тебѣ, дубъ мощный, привязали
И мигомъ сучьевъ кругъ его
Костеръ ужасный натаскали.

Минута, двѣ—и тотъ костеръ
Дымясь, треща, въ огнѣ пылалъ;
Въ немъ гордый мученикъ горѣлъ
И въ мукѣ гордо умиралъ.

Въ минуты этихъ адскихъ дѣлъ
Марія чувства ощутила;
Буканъ съ улыбкою подвелъ
Ее къ тому, кого любила

Она любовію святой
И кто ее любилъ дороже
Отца, отчизны, кто душой
Ей преданъ былъ. И что же?

Въ комъ сердце билося за часъ
И кто любовью пламенѣя
Лобзалъ ее не сотню разъ,
Она узрѣла, каменѣя,

Чернѣй земли горѣлый трупъ.
Дымился онъ, и черепъ былъ
Безъ глазъ, ланитъ, безъ носа, губъ,
И реберъ рядъ въ бокахъ сквозилъ,

Виднѣясь страшно полосами.
И ты тогда, цвѣтущій дубъ,
Разставшись съ гордыми вѣтвями,
Такой же былъ горѣлый трупъ.

Марія слова не сказала
При видѣ варварскаго зла,
Она лишь только хохотала...
И всѣхъ счастливѣе была.

И съ тѣхъ ты поръ, горѣлый пень,
Небесъ проклятіемъ убитъ,
Съ тѣхъ поръ тебя ни ночь, ни день
И не живитъ, и не мертвитъ.

КОНЕЦЪ.

М. Дивавинъ.

1850
Богородское-Корино
Мѣдно-Латунный
заводъ.

ЦѢНА 50 КОП. СЕР.

